Воскресное утро

Одной было двенадцать. Другой — восемь. Осиротевшие сёстры, чьи мать и отец сгинули во время войн короля Платинума[1]. Две обыкновенные единорожки среди тьмы им подобных, но они не отчаивались. Оставшись без дома, они нашли покинутое здание и стали жить в нём, украсив тем, что смогли найти или сделать. Оставшись без родителей, старшая взяла на себя роль отца и кормильца. Материнская опека им была не нужна — они рано повзрослели.

И всё же искра детства в них ещё не погасла. Город Платинума изобиловал пустыми домами и разрушенными магазинами, каждый из которых становился их игровой площадкой. Всего за один день сёстры могли побывать пиратами, рыцарями или искателями приключений, штурмуя тёмные помещения в поисках сокровищ. И какие только сокровища они не находили! В их воображении обломки зелёного стекла становились изумрудами, а неизвестно чьи перья — трофеями, взятыми с поверженных пегасов. Книги же они бережно приносили домой и читали. Истории о героях, драконах… но больше всего восьмилетней кобылке нравилось читать дневник. Обычные записи о жизни молодого пекаря. Хоть старшая сестра и вырвала последнюю страницу, не сказав, что там.

Эта двенадцатилетняя кобылка была уже совсем взрослой. Каждую субботу она уходила на работу, а домой возвращалась с подарками, словно Санта-Хувс! Обычно это было несвежее, но ещё не заплесневелое сено, а иногда — свёкла или цветная капуста. А также драгоценные дрова, чтобы отогнать всё усиливающийся мороз.

Она не рассказывала о том, что зарабатывала деньги, копая могилы шесть часов подряд, или о том, как стыдно ей было желать побольше такой работы. Но только это спасало её от участи стать одной из попрошаек, которые и так уже заполонили город. Ворчащие, дрожащие, покрытые снегом полутрупы, одна мысль о которых заставляла её работать ещё усерднее. Было тяжело, но всё же лучше, чем альтернатива.

Её звали Селестия. Для Луны она была и сестрой, и отцом. И ребёнком, и взрослым.

Однажды субботним вечером она шла уставшая домой с рынка. Её спина прогибалась под тяжестью дров, хотя их вес был гораздо меньше, чем хотелось бы. Цены выросли. Они росли каждую неделю.

---

[1] Отсылка к отцу принцессы Платины из легенды об основании Эквестрии. В официальной книге «Дневник двух сестёр» в качестве его имени указано король Буллион. — *прим. перев.*

— Но ведь сейчас июнь! — возмутилась Луна утром, когда Селестия предупредила её, что вместо свёклы она принесёт дров. — Скоро твой день рождения. Почему всё ещё зима?

Селестия попыталась объяснить в меру своих сил. Королевский двор Платинума контролировал солнце и, следовательно, смену сезонов. И король решил этим воспользоваться. От затянувшихся холодов страдали все, но больше всего — земные пони, которые зависели от продажи выращенного ими зерна. Единороги могли морозить противников до тех пор, пока те не сдадутся.

Младшая сестра не смогла понять таких сложных и заумных слов, но ей хватило уловить саму суть, чтобы разозлиться. Она ругалась на вредного-превредного короля, ведь его логика противоречила её собственной. Лето принесёт радость всем, так почему же не дать ему наступить?

Селестия не спорила. Луна, конечно же, была права. Чтобы понять это, Селестии достаточно было взглянуть на истощённые замёрзшие тела, которые она закапывала в землю. Или на пока ещё живых нищих, протягивающих ей чашки для подаяний. Один из них — «отец» шести лет от роду с ребёнком на спине.

Отец придвинулся поближе, и Селестия встрепенулась. Она зашипела и притопнула копытом, встречая мольбы попрошайки ругательствами и угрозами. Её рог опасно замерцал ярким жёлтым сиянием и не угасал, пока жеребёнок не побежал прочь.

Селестия не была ни злой, ни даже равнодушной. Она вздохнула, сдерживая слезы, так как знала, что вскоре эти двое отправятся в небытие. Без помощи малыш не выживет, и старший последует за ним.

Сочувствие, щедрость — вздор. Слова из сказок Луны. Селестия — взрослая, и должна заботиться о пропитании.

Но слёзы вырвались наружу. Всё-таки не взрослая. Несчастный жеребёнок. Старая уставшая кобылица.

Хоть спина и прогнулась под тяжестью дров, по мере приближения к дому её шаги становились всё бодрее. Завтрашний день принадлежит детству, её и Луны. Они будут играть в кладоискателей, и, возможно, им повезёт найти что-нибудь полезное. На самом деле, вряд ли, но Селестия всё равно будет счастлива побыть с сестрой.

Крыша старой постройки давным-давно обрушилась, но первый этаж остался нетронутым. Селестия слегка приоткрыла дверь и облегчённо вздохнула, сбросив ношу у очага.

— Я дома! — позвала она.

Маленькие копытца зацокали по разбитым ступеням, медленно и осторожно.

Селестия резко остановилась, тревожно навострив уши. Они с сестрой были очень близки. Луна терпеть не могла их еженедельные расставания и всегда кидалась к Селестии, как только та возвращалась. Радостно галдя, как и любой другой счастливый жеребёнок, младшая сестра бросалась в копыта старшей.

Каждую неделю, несмотря ни на что, у Селестии всегда находилось достаточно сил, чтобы подхватить прыгнувшую сестру и подбросить маленькое синее чудо в воздух.

Но в этот раз… её последний шаг был едва слышен. Селестия заметила тень на стене, будто кто-то остановился между этажами, прямо перед лестницей.

Это была Луна — в этом старшая была уверена. Она знала, как выглядит тень младшей сестры, и как звучат её шаги.

— Луна? — спросила Селестия. Её сердце тяжело стучало, пока страшные мысли вихрем проносились у неё в голове, одна хуже другой. Вдруг кто-то держит Луну в заложниках ради еды или денег?

Или хуже — Луна могла заболеть или пораниться. И если с обидчиком можно было попытаться договориться, то лихорадка или сломанная нога были смертным приговором.

В голове Селестии вспыхнуло видение, отражающее её ночные кошмары: замёрзшая насмерть Луна лежит в одном ряду с остальными покойниками.

Лёгкий перестук копыт вернул её разум обратно в пугающее настоящее. Селестия нашла взглядом сестру, медленно спускающуюся по лестнице. Никто не шёл за ней следом, и сама она, казалось, была в полном порядке. Луна заглянула в комнату, но потупила взор, избегая встречаться глазами с сестрой.

Беглого взгляда Селестии хватило, чтобы разглядеть цвет мордочки сестры. Естественный здоровый темно-синий. Ни лихорадочного румянца, ни бледности, как при заражении рога.

Ни единого признака болезни нельзя было заметить в походке Луны. Она выглядела такой же здоровой, как обычно, только… грустной.

— Что случилось? — осторожно спросила Селестия.

Она чувствовала усталость и голод, но Луна была важнее, ведь это ради неё Селестия копала могилы и гнала прочь попрошаек. Её сестра, её дочь.

Луна на мгновение подняла взгляд, и Селестия увидела в нём чувство вины. Луна не была грустной, она боялась. Боялась признаться.

Поэтому Селестия повторила:

— Что случилось?

На этот раз немного строже. Как суровый отец, который требует ответов от провинившейся дочери.

— Ты будешь злиться, — промямлила Луна, глядя в пол.

— Может быть, — сказала Селестия. Она не давала ложных обещаний. — А может, и нет. И если это что-то, из-за чего стоит злиться, будет только хуже, если ты не скажешь.

Ни нежные слова, ни вымученная улыбка ни к чему не привели. Луна только крепче зажмурила глаза и отвернулась.

Тогда Селестия пустила в ход козырь:

— Иди сюда. Чем раньше мы с этим разберёмся, тем быстрее ты сможешь помочь мне слопать клюкву.

Сушёное лакомство ещё никогда не подводило.

Луна резко распахнула глаза при упоминании клюквы, и в их уголках появились слёзы, когда она снова прикрыла веки. Она снова опустила голову, не в силах остановить дрожь.

— Луна, Луна! — чувствуя нарастающее беспокойство, Селестия могла лишь подойти и обнять сестру. Два белых копыта обхватили Луну, прижимая её к плечу потёртой курточки.

— Ты будешь сердиться, — снова захныкала Луна, закрыв глаза. — Ты будешь очень-очень сердиться.

Селестия обняла ещё сильнее, растерянно глядя на сестру. Что случилось? Луна была хорошим, умным жеребёнком. Она не могла сделать ничего ужасного, или, что ещё хуже, расточительного.

— Ты что-то украла? — предположила Селестия, теряясь в догадках. Воровство не так страшно. Её больше расстроило бы то, что Луна выходила из дома, чем кража сама по себе.

Луна покачала головой.

— Нет. Я отдала…

И больше ничего. Но этих слов хватило, чтобы воспоминание всплыло в памяти Селестии, и она застыла.

В ужасе Селестия стремительно разомкнула объятия и отшатнулась. Три быстрых шага донесли её до чулана, в котором они держали припасы. Она открыла дверцу…

Пропала вся клюква, что была там ещё утром. И все сушёные цветы, которые она стащила с кладбища. Осталось только сено, причём меньше, чем должно быть.

Громкий рык вырвался прежде, чем она успела осознать, что увидела. Её мордочка стремительно помрачнела, когда она повернулась к Луне.

— Скажи, что ты всё съела, — произнесла она холодно. Поедать запасы, конечно, глупо и расточительно, но всё же лучше, чем неизбежная правда.

Синяя сестра жалобно качнула головой. Она лишь на миг приоткрыла глаза, и, увидев нарастающую злость Селестии, снова крепко зажмурилась.

— Кому? — спросила Селестия. Усилием воли она отвернулась от причины своего гнева обратно к кладовой. Кинжал отца лежал на верхней полке. Потускневший от старости, но всё ещё острый.

Ответа не последовало.

— Кому?! — на этот раз она уже рявкнула. Да, она была в ярости, но источником этой ярости был страх, что сковал её. Родитель в ней шептал, что еды у них и так было слишком мало.

Она повернулась. Глаза Луны были широко распахнуты, а её взгляд переметнулся на нож.

В одно мгновение Селестия сунула проклятый нож в карман. Он был не для Луны, нет. Луна важнее всего.

Но Луне нужно что-то есть.

— Где наша еда? — спросила Селестия сухим, скрипучим голосом. В нём слышалась готовность действовать.

— Не знаю, — признался жеребёнок, делая шаг назад. — Семья Старсвирла не привязана к одному месту. Они…

Она не успела закончить фразу. Услышав это имя, Селестия тут же подскочила. С безумным взглядом она схватила Луну и подняла над землей, прорычав:

— Опять?!

Теперь Луна уже рыдала. И Селестия, под маской гнева, рыдала с ней.

— Его мама заболела!

— Мне плевать!

Третий раз. Уже третий раз Луна кормила этого паршивца. Его родители были не мертвы, хуже — они были живы, но искалечены войной. Она жалела его, и что самое плохое — называла его другом.

В первый раз Селестия поговорила с сестрой. Объяснила, что они не богаты, что они очень-очень бедные и не могут позволить себе делиться с теми, кто ещё беднее их. Во второй — несколько раз шлёпнула её для усиления эффекта.

А теперь? Теперь она не знала, что делать. Её дико трясло, а зубы стучали от нерастраченной ярости.

Селестия прошипела в надежде, что Луна, наконец, поймёт:

— Ты не можешь продолжать так делать, хватит.

— Он наш друг, Тия, — писклявым голосом слабо возразила Луна, а Селестия опять сорвалась на крик:

— Нет, не друг!

У двенадцатилетней кобылки не осталось больше сил. Селестия так быстро опустила Луну на пол, что та с трудом устояла.

— Нет, друг! — пронзительно и слёзно выпалила Луна в ответ. — И он нуждался в помощи! Он…

Белое копыто отвесило сильную пощёчину Луне.

Селестия моргнула. Она… она не хотела. Она даже не заметила, как это произошло.

Она ещё злилась. Но сумела совладать с эмоциями, так как осознала, что вышла из себя.

— Извини, — сипло сказала Селестия, не до конца справившись с голосом. Она потрясла головой и отвернулась. — Я… Я пойду наверх и подумаю, как нам быть.

Она не осмелилась оглянуться. Чревато очередной вспышкой гнева. Или страха — что разгневало бы её ещё сильнее. Ей нужно было побыть одной.

Взбираясь по лестнице, Селестия старалась не думать о словах сестры. Лишь тихо всхлипнула.

«Так не должно быть.»

* * *

Второй этаж. Всё такой же, без стен, заваленный снегом. Давно заученное слово «наверх» означало, что Селестия хочет побыть одна.

«Когда грустно, когда злоба высотой как два сугроба.» Цепкая фразочка, которая помогала Луне понять происходящее, когда та была совсем маленькой. Синий ангелочек любила рифму, но она не понимала жестокой правды, что скрывалась за ней. Как в той песне про чуму, которую они пели: «Пепел, пепел…»

Никакого пепла. Дрова слишком дорогие. Просто холодный труп.

Селестия пыталась поддерживать свою злость. Это помогало ей согреться на продуваемом всеми ветрами чердаке, позволяя забыть об охватившем её страхе.

Но злость не на Луну. Злость на холод. На голод. И на трижды проклятое правление Платинума.

Но больше всего — на Старсвирла. И не просто злость, а глубокая, острая ненависть.

Он этого не заслуживал, Селестия это понимала. Он лишь пытался прокормить свою семью. Но и она тоже, поэтому ненависть не отступала.

Тяжёлыми шагами она мерила второй этаж из конца в конец. Крыши не было, только остатки стен, которые показывали, где раньше были комнаты. Селестия дошла до края площадки и повернула, входя в привычный ритм движения по кругу.

Она зарычала. Зарычала и тихо выругалась. Её копыта топтали снег, пока разум рисовал Старсвирла или короля Платинума под ними.

Так она прошла три круга и понемногу начала успокаиваться.

И на смену злости пришёл страх. Мысли вернулись к жалкой кучке старого сена в кладовой. Пара горстей в день, чтобы едва-едва растянуть его на неделю. Это не еда, а лишь отсрочка голодной смерти.

А что потом? В следующую субботу ей заплатят, но всё уйдёт на дрова. Ведь без огня они с Луной замёрзнут. Голод может быть медленной смертью, но холод — как кинжал. Выбора нет, придётся купить дрова. Это означало, что к следующей неделе сено закончится, и больше не останется ничего…

Гнев отступил, шаги стали лёгкими и беспорядочными. Дыхание участилось, голова поникла.

Загнанная. Как в тот раз, когда вендиго пришли в посёлок и практически сломили её. Но их можно было обхитрить, от них можно было спрятаться. Нет, сейчас она не загнана. Она в ловушке.

Шаг ускорился. В грязном снегу уже образовалась колея от следов её копыт. Широко раскрытые розовые глаза бегали по сторонам, будто ожидая удара.

Еда! Но им больше нечего собрать. Ни травы, ни даже сорняков не осталось за восемь месяцев зимы. И дров не хватало. Даже если каким-то чудом они протянут еще две недели, что будет на третью?

Селестия уже не справлялась с нарастающей тревогой. Она ссутулилась, упёршись копытом в стену. Голодная. Усталая.

Ненавистное видение вновь вспыхнуло в её голове — Луна, замёрзшая насмерть. Готовая к погребению, и могильщик кричит то же, что и всегда: «Не копайте слишком глубоко — у нас ещё много работы».

Этого не случится. Не может случиться.

Селестия шептала эти слова с каждым паническим вдохом.

Но ведь случится. Они будут мёрзнуть и голодать, пока не подхватят болезнь, которая всё и закончит.

Луна. Ради неё Селестия вставала каждое утро. Её сестра, её дочь, её маленькое чудо…

«Так не должно быть.»

Конечно же нет.

Она заплакала. Выхода нет. Селестия склонила голову, кашляя и всхлипывая. Слёзы падали на снег, мерцая, как алмазы, в свете звёзд.

Глухой смешок вырвался из неё. Эх, если б только они были алмазами! Или лучше — мерцали бы в лучах летнего солнца. Трава выросла бы за день, и, по крайней мере, у них было бы, чем питаться.

Но вместо этого — зима. Упрямый король Платинум и упрямые земные пони. У неё даже не осталось сил злиться на них.

Нужно спуститься. Лечь рядом с Луной у камина, укрывшись их единственным одеялом. Нужно беречь её. Нужно выкарабкаться из этой ситуации.

Селестия опустилась на пол и свернулась калачиком. Слёзы потекли мягко и тихо. Селестия никогда не позволяла себе плакать на глазах у сестры. Она была как отец, кормилец семьи, и Луна верила в это. Лучше спать здесь, чем портить образ.

Проходил час за часом. Сон не шёл. Страх не отступал, и её мысли всё ещё кружились в его объятьях. Ходьба отняла все силы, но Селестия так и не смогла отвлечься от надвигающегося рока. Она тихо лежала, накручивая себя, пока не задрожала в приступе бессмысленной, бесполезной паники. Она с силой прикусила переднюю ногу, а затем впечатала её в ледяной пол, так как знала, знала, что ловушка захлопнулась за ними. Вскинув копыта к небу, Селестия пронзительно закричала, не задумываясь о том, что кто-то мог её услышать. Из-за сухого зимнего воздуха она закашлялась и снова легла.

Воцарилась мёртвая тишина. И тут, разрывая её, на лестнице всё громче и громче зацокали маленькие копытца.

Селестия ахнула, тотчас осознав свою глупость. Луна всё слышала и шла посмотреть.

Селестия быстро нашла выход из ситуации, неуклюже попытавшись изобразить сон. Она повернулась набок и прикрыла мордочку передней ногой, пряча слёзы и заодно надеясь, что её примут за спящую. Продрогшее тело возмущённо отзывалось болью даже на самые незначительные движения, но усилием воли Селестии удалось с этим справиться.

Цоканье сменилось мягким хрустом снега. Звук приближался, становясь громче, пока Селестии не показалось, что сестра стоит уже прямо над ней.

Её что-то укрыло — изношенное, но удивительно толстое одеяло, в которое они вдвоём закутывались. Если бы оно не прикрыло рот, удивлённый вздох мог бы выдать Селестию.

А затем кто-то хорошо знакомый, маленький и тёплый, кого Селестия обнимала и целовала каждую ночь, залез к ней под свободный край одеяла. И Луна, и одеяло обдали Селестию болезненным теплом, напоминая, как долго она не спускалась. И тепло нарастало с каждым моментом, прогоняя боль и озноб из её тела.

Но это было мнимое тепло. Селестия чувствовала, как Луна дрожит и прижимается крепче, пробираясь на привычное место в её объятиях. Покрытый льдом камень — плохая замена их лоскутной постели.

И всё-таки Луна обняла её. Это было извинением и прощением, для которых не требовались слова.

Селестия медленно убрала копыто с мордочки и обняла свою маленькую сестрёнку. Снова тишина. Луна уже уснула.

Тепло и усталость принесли им странное сонное удовлетворение. Селестия тихо взглянула на своего спящего ангела, поцеловала в рог, и Луна хихикнула, когда из рога показалось голубое мерцание. Селестия улыбнулась в ответ, устроилась щекой на ноге Луны и погрузилась в сон без сновидений.

* * *

Пробудившись, она едва не вскрикнула. Из мира снов без сновидений Селестия вернулась расстроенной, изможденной и продрогшей до костей. Во сне сёстры крепче прижимались друг к другу, их тела сами собой искали тепло. Даже покрывало больше не грело, его толстая ткань была едва теплее окружающего воздуха.

Пришлось приложить усилия, чтобы открыть глаза. За ночь ресницы покрылись льдом, напоминая Селестии об опасности, которая грозила им с Луной. После ночи на морозе можно было заболеть, а заболеть означало…

Было всё ещё темно, и только красные полосы в небе напоминали, что солнце сейчас где-то там. Едва ли от него была польза. Сейчас оно выглядело как небольшое оранжевое пятно, которое, казалось, лишь дразнило своих замёрзших детей… своего замёрзшего ребёнка.

Переведя взгляд на сестру, Селестия почувствовала, как слёзы снова наворачиваются на глаза. Луна. Синий ангел. Замёрзла вместе с сестрой, но всё равно улыбается в её копытах.

Ловушка всё ещё захлопнута. Мороз. Голод. Но сейчас уже легче. У Селестии в жизни были свои правила, первое из которых — Луна ни за что не должна погибнуть. Что угодно годилось для достижения этой цели. Ей оставалось определить, что именно она должна предпринять.

Первая мысль, которая пришла в затуманенный рассудок, заставила её засмеяться хриплым, простуженным голосом. Эта мысль была глупой и дикой. Как в книгах, которые читала Луна, где рыцари заводили дружбу с драконами и жили потом долго и счастливо. Настолько глупо, что не стоит и пытаться.

Но попытка ничего не стоила, к тому же эта идея стала навязчивой. Она всплыла со случайными мыслями, но отказалась покидать её разум. Наоборот, она усиливалась, пока не завладела её вниманием. Даже холодный разум могильщика принял её, не видя вреда от попытки.

И не только разум. Её тело воспрянуло ото сна, несмотря на пагубный холод. Уши задвигались, кровь побежала по жилам, инстинкты потребовали немедленных действий.

Холод притупил её решительность, но с каждым мигом становилось всё сложнее отбросить эту мысль. Селестия начала медленно высвобождаться из объятий Луны.

Младшая сестра это сразу почувствовала, но её потревожил скорее холод, чем движение. Глаза Луны моргнули, и снова закрылись: поднять — подняли, а разбудить забыли.

— Тия, ты куда? — сонно пробормотала она.

«За солнцем.»

Безумная фантазия уже почти сорвалась с языка Селестии, но вслух она сказала:

— Я просто готовлюсь к новому дню. Спи.

Нет смысла будить её так рано. Селестия задрожала, выбираясь из-под одеяла, и повернулась, чтобы завернуть Луну потеплее. Та улыбнулась и моргнула ещё раз, но мгновение спустя уже мягко посапывала.

Готово. Селестия зевнула, посмотрела, как пар изо рта растворяется в предрассветной тьме. Ещё раз зевнув, она начала разминаться, стараясь

вытянуть каждую ногу как можно дальше. Проклятый холод не отступал, но зарядка позволила ей хоть немного согреться.

Она моргнула, быстро осознав, что понятия не имеет, как управляются с солнцем. Всё, что ей было известно, — это очень тяжело, настолько, что придворные Платинума не могли подняться с постели неделю после каждой смены сезона. Даже мысль о том, что она может превзойти их, была ребячеством, и это заставило могильщика внутри неё нахмуриться.

Ну и плевать на него. Да, детская фантазия. Но ей и было-то всего двенадцать — ещё ребёнок. Грань между возможным и невозможным оставалась размытой. И она хотела, она жаждала, ей не терпелось попробовать. Это желание поглотило её, пока она раздумывала. Её ноги дрожали от нетерпения.

Резкий вдох и выдох. Солнце, конечно же, перемещали с помощью магии, значит, с неё и надо начать. Селестия повернулась примерно туда, откуда должно было взойти солнце, и её рог окутался слабым жёлтым сиянием.

Всё, что она чувствовала, было ей знакомо. Аура города, поникшая и остывшая в ледяной хватке зимы. Зима, истощённая и уставшая. Мягкие грустные отголоски множества душ переливались вокруг неё — рог чувствовал и их.

Ничего нового, ничего необычного. Селестия слышала, что магия была чувством, при помощи которого можно заглянуть дальше всех других, но из-за недостатка образования она не знала в деталях, как это сделать. Ей было известно только самое очевидное, но это её не остановило.

Она просто собрала всю свою магию и толкнула её дальше, за пределы того, что видела. Она чувствовала, как все прежние ощущения затухают, а взору её рога открывается огромная пустота за краем мира.

Ничего. Разумеется.

Селестия открыла глаза и закрыла их снова. Ещё одна попытка. В этот раз она потянулась больше вверх, чем вдаль, представляя, что она может идти вдоль красных полос в небе к их источнику. Выше, в пустоту, по гигантской дуге от красного к розовому, пока небо не стало голубым, и…

Тепло окутало её рог. Она не увидела, но почувствовала золотую линию на самом кончике рога, которая выгибалась, уходя за горизонт.

Чувство, которого она раньше не испытывала. Не как при телекинезе, когда сам рог ничего не чувствует. Не рогом, не телом — самой магией она ощутила восхитительное тепло в конце этой нити.

Открытие было слишком впечатляющим. У Селестии перехватило дыхание, она вздрогнула, подскользнулась и едва не упала на ледяной пол. Линия пропала, и странное ощущение быстро закончилось.

Но Селестия тут же потянулась обратно — теперь уже уверенно пройдя прежним путём. И это было так легко, словно пустота сама повела её после того, как она в первый раз преодолела магией пространство. Жёлтая нить сформировалась вновь ещё до того, как Селестия разыскала красные полосы в небе, а странное ощущение тепла вернулось.

Она скрестила глаза на своём роге. Тот сиял жёлтым, но никаких линий не было. Золотая струна была скорее ощущением, а не чем-то реальным… но тепло при этом было самым настоящим.

Селестия от удивления распахнула глаза, осела на землю и едва не упала в обморок, осознав, что…

Солнце было живое. Не так, как сама Селестия, но она могла чувствовать его. Тепло… Прикосновение солнца. Странная золотистая нить исходила не только от Селестии. Её цель тоже тянулась к ней, преодолевая несчётные километры, чтобы соединить их магию.

«Привет.»

Селестия не произнесла ни слова, но её мысль полетела по золотистой линии. Робкое, нерешительное приветствие. Лучшее, что смог выдать её ошеломлённый разум.

«Привет.»

Ответ ещё меньше походил на слово. Едва уловимый образ, который коснулся её магии и неловко проник в сознание.

«Пожалуйста, подойди поближе.»

Её мысли передали не только это. Солнце увидело её кошмары о замёрзшей насмерть Луне и отчаяние из-за опустевшей кладовой. Оно увидело её мечту о возрождённой земле, покрытой в изобилии травой и стогами сена. Но это возможно, только если его не затруднит принести лето в эти края…

Ответом было лишь: *«Тяни.»*

И она потянула. Жёлтая нить свободно заскользила, и Селестия увидела, как розовый свет начал сменять черноту неба. Спустя минуту солнце, наконец, двинулось следом. Она не прекращала тянуть, пока солнце не оказалось высоко над горизонтом, а после этого, очень аккуратно, она подтянула его поближе. Оно стало огромным и ликующим, даря тепло её мордочке и ногам.

В это время Селестия ощутила ещё один образ, пришедший от солнца. Чувство удовлетворения и… благодарность.

«Ты благодаришь меня? Это я должна быть благодарна!»

Она отправила это послание умышленно, улыбаясь согревающему солнцу. Тем временем в городе всё чаще и громче раздавались крики удивления и ликования.

Чувство благодарности с той стороны не ослабевало. И Селестия поняла, в чём причина.

«Жизнь — вот что отличает солнце от звёзд.»

Оно… улыбнулось ей. Она улыбнулась в ответ, и их чувства были едины. Как взаимные улыбки, когда двое только встретились, но уже поняли, что обречены быть друзьями.

Радостно прощаясь, она отпустила нить. Магия оставила рог, и чувство тепла ушло.

Позади неё прозвучал милый зевок пробуждающейся Луны. Тающий снег хлюпнул, когда она перевернулась, чтобы встать на копытца.

Селестия повернулась к сестре. Она застенчиво улыбалась, смущаясь своего поступка. Вот так вот просто поднять солнце… как объяснить это Луне? Или королю Платинуму, если на то пошло? Селестия не была настолько глупой, чтобы не понять, что она изменила мир этой ночью. Будущее было неизвестным, абсолютно непохожим на то, что было вчера, и сейчас она совершенно не представляла, что сказать.

Луна не ждала слов. Её взгляд скользнул мимо сестры, и улыбка растянулась до ушей.

Четыре синих копытца взмыли в воздух, и Луна оглушительно завопила от радости, как могла завопить только восьмилетняя кобылка:

— Тия! Тия, Тия, Тия! Ты получила кьютимарку!

Селестия едва успела повернуть голову за пронёсшейся мимо сестрой. Взглянув на свой бок, она ахнула и заулыбалась, не в силах сдержать

охвативший её порыв детской гордости. На белой шёрстке, словно на полотне, красовалось сверкающее оранжевое солнце.

— И она такая огромная! — Луна бесцеремонно ткнула в середину метки, заставив старшую сестру хихикнуть.

Хихиканье перешло в смех — не из-за щекотки, а из-за Луны! Они больше не будут ни мёрзнуть, ни голодать, а всё, что интересовало эту кобылку — кьютимарка сестры. У ребёнка своё представление о том, что важнее, но Селестия не могла отрицать и собственную радость.

— И прямо в воскресенье[2], иначе и быть не могло, — промурчала Селестия, видя в этом хорошее предзнаменование. Определённо, будущее изменилось, и она не единственная, кому придётся решать, что делать дальше. Возможно, двор Платинума попробует вернуть зиму обратно и сделать вид, что ничего не произошло.

Она снова засмеялась, вспоминая, как легко было тянуть ту линию. *«Ну, пусть попробуют!»*

Селестия и Луна спустились по лестнице, прижимаясь боками друг к другу. На завтрак — несвежее сено. Но завтра-послезавтра подрастёт травка, распустятся первые одуванчики, а вскоре поспеет жимолость. Луна будет жить — и жить хорошо! С вкусной едой, чтобы расти большой и сильной.

Селестия улыбнулась. Учитывая, что произошло… было приятно осознавать, что она не нарушила свои правила. Луна прежде всего, что бы ни случилось.

Коснувшись последней ступеньки, Селестия внезапно вздрогнула, и улыбка исчезла с её мордочки.

— Я в порядке, — пробормотала она, рассеяв страх с мордашки Луны. — Всё хорошо. Просто кольнуло в боку.

Странно, однако, кольнуло. Боль как будто прочертила две линии по бокам спины.

Впрочем, не самая большая странность за этот день. Боль прошла так же внезапно, как и появилась, и они поспешили в кладовую. Они смеялись за завтраком, обсуждая, как будут лепить последних снежных пони в этом году.

В конце концов, они были детьми. И наступило лето.

---

[2] **Sun**day — воскресенье, буквально «день солнца» — *прим. перев.*

От автора:

Когда в жизни принимаются важные решения, не звучит никаких фанфар — судьба даёт знать о себе молча.

— Агнес де Милль, американская танцовщица и хореограф.

Спасибо за чтение.

— Rune Soldier Dan, 2 ноября 2015